

O. A. Ройтман

ДЕЙСТВИЕ АССИМИЛЯЦИИ И ДИССИМИЛЯЦИИ ПРИ ИСТОРИЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ ФОРМЫ СЛОВА

*Работа представлена кафедрой английской филологии
Тверского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. Д. Травкина

В статье внимание сосредоточено на двух изменениях – ассимиляции и диссимиляции – и их влиянии на внешнюю форму слова. Сущность ассимиляции состоит в том, что «различительный признак одной фонемы переносится на соседнюю фонему, что приводит к ее превращению в другую фонему»¹.

The article focuses on the two alterations – assimilation and dissimilation – and their influence on a word's external form. The essence of assimilation consists in the fact that «a phoneme's distinctive feature is extended to another phoneme, which results in its transformation into another phoneme».

Она, можно сказать, свидетельствует об определенной толерантности, присущей фонематической форме слова. Вместе с тем такая толерантность формы слова не безгранична: «Язык делает все необходимое для эффективного функционирования и берет для этого столько, сколько может. Но он не может взять слишком много, и в целом словам приходится иметь более или менее инвариантный выбор и порядок следования фонем как часть их формы»². Ассимиляция является важным фактором в историческом становлении формы слова, и в этом смысле говорят об исторической ассимиляции. Обращает на себя внимание отсутствие строгого определения исторической ассимиляции в лингвистической литературе. Так, иногда ее определяют в очень общем виде, как ассимиляцию, происходившую на более ранней ступени истории языка³. Некоторые фонетисты связывают историческую ассимиляцию с такими изменениями в ходе исторического развития языка, в результате которых один звук замещается другим, соседним в слове или предложении, т. е. отвечают формуле «звук А замещен звуком В под влиянием звука С»⁴. Несмотря на то что Д. Джоунз считает «удобным называть такой тип ассимиляции историческим, для того чтобы отграничить

его от других типов ассимиляции», обсуждаемые им семь репрезентативных случаев⁵ слишком различны, прежде всего именно с исторической точки зрения. С одной стороны, это случаи *sugar*, *nation* и *nature*, *furniture*, отражающие факты диахронической фонологии, а с другой – *width* [witθ], *handkerchief*, *used* [ju:st] *to*, в которых характер ассимиляции тот же, что и во многих современных словах. Само вычленение исторической ассимиляции предполагает противопоставленный ему *современный* тип ассимиляции, нашедший подробное описание, например, в работе Д. Браун⁶. Это приводит к выводу о том, что существует проблема выделения исторической ассимиляции и типологизации ассимилятивных явлений в целом. Выскажем некоторые соображения на этот счет. Замечание первое. Трудность определения исторической ассимиляции связана с неясностью того, какой языковой факт следует признать историческим, где граница исторического и неисторического. Соглашаясь с трактовкой *sugar* и *nation* как случаев исторической ассимиляции, подчеркнем, что наличие двух произношений у слова *issue* (с и с ъ) свидетельствует о том, что ассимиляции этого типа все еще происходят в английском языке⁷.

Замечание второе. Существующие определения ассимиляции в целом и исторической ассимиляции в частности нередко ограничиваются случаями влияния друг на друга смежных звуков. Однако именно при историческом становлении слова ассимиляция может действовать на расстоянии, распространяясь на несмежные сегменты. (В русском языке в данном случае говорят о межслоговой ассимиляции.) Так, например, слово *чечевица* является более поздним образованием, происходящим от *сочевица* через *чочевица* вследствие межслоговой ассимиляции *c : ч > ч : ч*. Слово *mushroom* в позднем средне-английском было известно в формах *musseroun*, *musheroun* (от (ст).-фр. *mousseron*), а в XVI в. появилась форма *musherom* вследствие регressiveной ассимиляции *m...n > m...m*. В терминологическом отношении имеет смысл говорить о *контактной* и *дистантной* ассимиляциях, предлагающих соответственно ассимилятивное влияние смежных и несмежных сегментов.

Замечание третье. Существенным представляется различие собственно *фонетической*, не находящей отражения в графическом облике, и *фонографической*, т. е. звуковой с последующим отражением в графике, ассимиляций. Такое противопоставление может оказаться продуктивным и для понимания соотношения *диахронической* (исторической) и *синхронической* (современной) ассимиляций. Диахронические ассимиляция и диссимиляция типично реализуются в фонографической форме, когда звуковые изменения «переведены» в графические. Ассимилятивное изменение *n* в *m* под влиянием последующих губных *f*, *b*, *p* нашло соответствующее отражение в написании слов *comfit* (ср.-англ. *confyt*, из старо-фр. *confit*, *confite*), *imbrue* (ранние формы *enbrewe*, *enbrouwe* из ст.-фр. *embruer*, *embrouer*), *imperfect* (ср.-англ. *inperfitt* из ст.-фр. *imparfait*), *impress* (в ср.-англ. также *en-* из ст.-фр. *em-*, *impresso*). В русском языке слово *ордер*, известное со второй половины XVIII в., восходит к латин. *frdph*, род. *frdinis*, вин.

фrdinem «ряд», «порядок», «должность центуриона»; межслоговая ассимиляция *p : n > p : p* произошла на западноевропейской почве.

Большинство звуковых изменений касаются последовательностей сегментов, т. е. являются *секвенциальными*, а из *сегментных* изменений распространен тип, связанный с симплификацией аффрикаты. Секвенциальные изменения чаще всего представляют собой ассимиляцию, способствующую усилению эффективности артикуляции посредством упрощения артикуляторных движений и представленную четырьмя основными типами: парциальная (частичная) ассимиляция, палатализация, назализация и умляут. *Парциальная* ассимиляция, касающаяся места и способа артикуляции, является распространенным изменением, которое со временем может перейти в *тотальную* (полную) ассимиляцию. Ниже приводятся примеры из латыни и испанского, демонстрирующие уподобление назального звука последующему согласному по признаку места артикуляции: др.-исп. *sem̥da* > совр. исп. *senda* ‘тропа’; ранний лат. *im̥possibilis* > более поздний лат. *im̥possibilis* ‘невозможный’¹⁸. Ассимиляция по признаку способа артикуляции (ассимиляция назальности) может быть продемонстрирована на примере из древне-английского языка: ранний др.-англ. *stefn* > более поздний др.-англ. *stem̥i* ‘ствол (дерева)’. В следующих итальянских словах взрывной согласный полностью уподобляется следующему взрывному, демонстрируя случай полной ассимиляции: лат. *octo* (с= [k]) > ит. *otto* ‘восемь’; лат. *septem* > ит. *sette* ‘семь’; лат. *dannum* > ит. *danno* ‘повреждение, ущерб’. *Палатализация* связана с эффектом, который передние гласные и палatalный гайд [j] типично оказываются на велярные, альвеолярные и дентальные взрывные согласные, делая их место артикуляции более палатальным. Палатализация часто оказывается первым шагом процесса аффрикации – изменения, при котором палатализованные взрывные

превращаются в аффрикаты: лат. *centum* [k] – старо-фр. *cent* [ts] ‘сотня’; лат. *medius* [d] – ит. *mezzo* [dz] ‘половина’. Назализация связана с тем назальным эффектом, который назальный согласный оказывает на смежный гласный. Это изменение, с последующей утратой назального согласного, происходило в португальском и французском. Умляут представляет собой воздействие гласного или глаида одного слога на гласный другого, обычно предшествующего слога. Умляут, в результате которого появляются огубленные гласные переднего ряда [y] и [ø], сыграл важную роль в древне-английском и является источником нерегулярных форм множественного числа, таких как *goose/geese* и *mouse/mice* в современном английском языке. Умляут свидетельствует о том, что, хотя ассимиляция, по-видимому, наиболее распространена в случае смежных сегментов, она может также действовать на расстоянии.

Под диссимиляцией понимается «замена в слове одного или двух одинаковых или сходных звуков другим, менее сходным»⁹. Считается, что диссимиляция гораздо менее распространена, чем ассимиляция. Этот тип изменения типично встречается, когда в непосредственной близости оказываются два сходных звука, трудных для артикуляции или восприятия. Слово *an̩ta* ‘душа’ из поздней латыни, например, было модифицировано в *alma* в испанском во избежание двух соседних назальных согласных. Подобно ассимиляции, диссимиляция тоже может действовать на расстоянии, распространяясь на несмежные сегменты. Так, латинское слово *arbor* ‘дерево’ превратилось в *árbol* в испанском и в *albero* в итальянском, тем самым избегнув повторение сегмента [r] в смежных слогах. У русского слова *блин* (др.-русск. *блинь*) старшей являлась форма *млинъ*, а появление *б* объясняется как результат диссимиляции *m...n* > *b...n*. Слово *флюгер* (из нидерл. *vleugel*) в русском языке впервые появилось в форме *флюгель*, а появление *р* объясняется как результат дис-

симилиации *l...l* > *l...r*. Иногда переходные формы могут длительное время сохраняться в литературном языке. Слово *ярмарка* немецкого происхождения (совр. нем. *Jahrmarkt*, дословно «ежегодный торг, рынок»), известное в русском языке с начала XVII в., в литературном языке долго сохранялось в форме *ярманка*. А. С. Пушкин употреблял *ярмонка* или *ярманка*. У Л. Н. Толстого в «Корнее Васильеве» встречается *ярмонка*: «Старый чалый был весь в ту матку, которую Корней за год до своего ухода привел с *ярмонки*», а в «Крейцеровой сонате» – *ярманка*: «...заговорили сначала о ценах, о торговле, говорили, как всегда, о том, как Москва нынче торгует, потом заговорили о Нижегородской *ярманке*».

Результаты анализа словарных данных¹⁰ представлены ниже в обобщенном виде. Историческая ассимиляция дистактного типа в английском языке охватывает такие слова, как *February*, *lapis lazuli*, *munnion*, *mushroom*. При этом можно выделить следующие: *r...l* > *r...r* (*February*), *l...r* > *l...l* (*lapis lazuli*), *n...l* > *n...n* (*munnion*), *m...n* > *m...m* (*mushroom*). Во всех случаях наблюдается прогрессивная ассимиляция. Случай исторической дистактной диссимиляции в английском языке охватывают *colonel*, *gallery*, *fugleman*, *marble*, *laurel*, *purple*, *mulberry*, *belfry*, *random*, *ransom*, *brimstone*, *peridot*, *tabard*, *taper*, *pebble*, *sash*, *artichoke*. Выделяются следующие диссимилятивные модели дистантного типа: *l...l* > *r...l* (*colonel*), *l...l* > *l...r* (*gallery*), *r...r* > *r...l* (*marble*, *laurel*, *purple*), *r...r* > *l...r* (*mulberry*, *belfry*), *n...n* > *n...m* (*random*, *ransom*), *n...n* > *m...n* (*brimstone*), *t...t* > *d...t* (*peridot*), *t...t* > *t...d* (*tabard*), *p...p* > *t...p* (*taper*), *p...p* > *p...b* (*pebble*), *sh...sh* > *s...sh* (*sash*), *ch...ch* > *t...ch* (*artichoke*). Регрессивный характер диссимиляции отмечается для *colonel*, *brimstone*, *peridot*, *taper*, *sash*, *artichoke*, а прогрессивный – для *gallery*, *marble*, *laurel*, *purple*, *mulberry*, *belfry*, *random*, *ransom*, *tabard*, *pebble*. Как видно, в историческом становлении формы английского слова дистакт-

ная диссимиляция играет более значительную роль, чем дистактная ассимиляция. Сопоставление инвентаря ассимилятивных и диссимилятивных пар английских фонем позволяет говорить о вовлечении в данные процессы следующих общих парных фонем: (1) $r \dots l > r \dots r, l \dots r > l \dots l$ и $r \dots r > r \dots l, r \dots r > l \dots r$; (2) $m \dots n > m \dots m$ и $n \dots n > n \dots m, n \dots n > m \dots n$.

В русском языке примерами исторической контактной ассимиляции являются: слово *иши*, у которого форма с *ищ* получилась из *иши* вследствие прогрессивной асимиляции *иши > *съм-jan; свадьба из сватьба* (от *сватать*) и др. Случаи исторической ассимиляции дистактного типа в русском языке охватывает такие слова, как *балбес, бурда, батарея, бревно, дебелый, деверь, дребедень, дребезги, дряблый, кандалы, каторга, клок, кумыс, ордер, паникадило, селистра, теперь, токарь, фанера, фельдфебель, чечевица, шашка*. Выделяются следующие ассимилятивные модели дистактного типа: согласные – $b : m > b : b$ (*балбес*), $p : n > p : p$ (*ордер*), $l : n > n : n$ (*паникадило*), $\phi : v > \phi : \phi$ (*фельдфебель*), $c : \chi > \chi : \chi$ (*чечевица*), $c : iu > iu : iu$ (*шашка*); гласные – $a : e > a : a$ (*батарея*), $e : e > e : e$ (*деверь*), $o : e > e : e$ (*дребезги*), $e : a > 'a : a$ (*дряблый*), $\dot{e} : e > e : e$ (*теперь*), $o : b > a : b$ (*токарь*), $o : b > a : b$ (*фанера*). Прогрессивный характер ассимиляции наблюдается в *балбес, ордер, фельдфебель, батарея*, а регрессивный – в *паникадило, чечевица, шашка, деверь, дребезги, дряблый, теперь, токарь, фанера*. Обратим внимание на то, что в отличие от современного русского литературного произношения, где случаев ассимиляции гласных «обычно не бывает, так как, за сравнительно немногими исключениями, внутри морфем нет их стечения»¹¹, при историческом становлении русских слов отмечается дистактная (межслоговая) ассимиляция гласных (в *батарея, деверь, дребезги, дряблый, теперь* и др.). Кроме того, если в современном русском языке «ассимиляция является главным образом регрессивной и касается в основном рабо-

ты голосовых связок»¹², то историческая ассимиляция может носить как прогрессивный, так и регрессивный характер.

Примером исторической контактной диссимиляции (принятый русский термин – «межслоговая диссимиляция») в русском языке является слово *дамба*, которое в своей современной форме известно со второй четверти XIX в. В форме *дам* оно встречается в документах петровского времени и примерно в том же смысле. Его возводят к голландскому (голл. *dam* – «плотина», «насыпь», «мол»), а также к немецкому (нем. *Damm*) или шведскому (швед. *damm*) словам. Концовка *-мб(a)*, вероятно, возникла на русской почве вследствие диссимиляции *mm > mb*, особенно при восприятии этого немецкого или шведского слова в косвенных падежах (нем. род. ед. *Damm(e)s*). Историческая диссимиляция дистактного типа в русском языке охватывает такие слова, как *артель, басурман, бахрома, верблюд, звезда, марганец, минога, налим, нивелировать, пельмень, перепел, руль, ханжा*. Изменение $p : r > p : l$ на почве межслоговой диссимиляции часто встречается в говорах (напр., *пролубь < прорубь*) и в заимствованных словах (напр., *артель* тюркского происхождения). Выделяются следующие диссимилятивные модели дистактного типа: $m : m > b : m$ (*бахрома, басурман*), $z : z > g : z$ (*звезда*), $n : n > r : n$ (*марганец*), $n : n > m : n$ (*минога, пельмень*), $n : n > h : m$ (*налим*), $l : l > l : n$ (*нивелировать*), $n : n > l : n$ (*павлин*), $l : l > p : l$ (*перепел*), $p : p > p : l$ (*руль, февраль, артель*). Прогрессивная диссимиляция действует в отношении слов *налим, нивелировать, руль, февраль, артель*, а регрессивная – в отношении *бахрома, басурман, звезда, марганец, минога, пельмень, павлин, перепел*. Сопоставление инвентаря ассимилятивных и диссимилятивных пар русских согласных фонем выявляет три пересекающихся зоны: (1) $p : n > p : p$ и $n : n > r : n$; (2) $l : n > n : n$ и $l : l > l : n, n : n > l : n$; (3) $b : m > b : b$ и $m : m > b : m$.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1983. С. 57.

² O'Connor J. D. Phonetics. Harmondsworth: Penguin Books, 1977. P. 251.

³ Фонетика английского языка / В. А. Васильева, О. В. Буренкова, А. Р. Катанская и др. Л., 1962.

C. 99.

⁴ Jones D. The pronunciation of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 127.

⁵ Ibid. P. 127–130.

⁶ Браун Д. Восприятие английской речи на слух. М.: Просвещение, 1984. 171 с.

⁷ Фонетика английского языка. С. 100.

⁸ Contemporary linguistics: An introduction / Ed. by O'Grady W., Archibald J., Aronoff m., Rees-Miller J. 2001. Boston; New York: Bedford/St. Martin's. P. 294.

⁹ Словарь иностранных слов. С. 169.

¹⁰ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001; The concise Oxford dictionary of English etymology / Ed. T.F.Hoad. Oxford; New York: Oxford university press, 1993. 552 p.; The Oxford dictionary of English etymology / Ed. C.T.Onions. Oxford: The Clarendon Press, 1985. 1025 p.

¹¹ Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976. С. 185.

¹² Фонетика английского языка. С. 99.